

В честь знакомых трансвеститов

Независимая — 2003 — 30 сент. — С. 7.

Балет «Амелия» совсем не похож на фильм «Амели»

Майя Крылова

Все знают, что классический балет — это повесть о высоком. Так повелось с тех пор, как теоретики писали трактаты о мистическом стремлении позы «арабеск» к небу, а практики сочиняли спектакли с этими самыми арабесками. В возмущенной борьбе с таким прекраснотрушением в начале XX века возник и развился современный танец, принципиально отвергающий телесную вертикаль, стремление к гармонии и прочие опоры классики. Побродив по обширному полю балетного нигилизма, модерн-данс сказал все, что хотел, — и тоже выдохся. Возник и ребром встал вопрос: что делать дальше? Комбинировать старое с новым? Да, постмодернистский многослойный сэндвич из танцевальных стилей и техник — дело жизни многих современных хореографов. Лишь некоторые пошли другим путем, что и привлекло внимание московского международного фестиваля современного танца «DanceInversions».

Канадский хореограф Эдуард Лок спросил себя: что получится из языка классического танца, если взять его в первичном виде, то есть как способ проявления материального тела в пространстве, изгнав все внешние эмоции? И чем заменить изгнанниц? Ответ знает только ветер, который образовался на сцене во время балета Лока «Амелия». МХАТ имени Горького, где (в присутствии генерал-губернатора Канады Адриен Кларксон) выступала монреальская труппа, буквально трясло от драйва исполнителей.

Виртуальные изображения балерины, не касающейся земли. Изысканная световая партитура — танец лучей. Минималистская музыка: то фонограммой, то «вживую», с вокалом и с музыкантами, участвующими в действии. Рожденное из звуков, но в то же время как будто механически существующее человеческое тело, идеальная маши-

на танца. Снятые половые различия: особи обоих полов — лишь воплощение телесной энергии. Никаких иерархий типа «вот премьер, вот прима, а вот остальные»: все артисты Лока одинаково профессионально выбрасывают в пространство отточенную, как бритва, технику. Бешеная череда соло, дуэтов, общих выходов четырех мужчин и пяти женщин, «танец во весь опор», как написала об «Амелии» амстердамская газета.

Идол Лока — предельные и, кажется, запредельные в физи-

щений, обводки, усложненные мельтешащими взмахами невероятно ловких ног. Идеально прямые торсы, плотный остов тела, лишь иногда исходящий модернистской волной, — и извивающиеся легкие конечности, отчаянно семафорящие руки, помогающие хранить эту идеальность. Лок — истинный демиург, творец новых хореографических галактик: его движения настолько дискретны, что эта рвущая пластику на части манера заново образует пластические связи, а путающая слабонервных эмоцио-

Многие сравнивают танцоров Лока с ураганом, торпедами и пилотами-камикадзе

ологическом смысле движения человеческого тела. И еще скорость танца, при помощи которой он достигает невиданных эффектов: некоторым показалось, что тела исполнителей «образуют настоящий водоворот с неясными контурами, в которых угадываются волосы и конечности». (Западная пресса сравнивает танцоров Лока с ураганом, торпедами и пилотами-камикадзе.) Все это нужно для того, чтобы зритель не успевал привычно включать свое радио, заталкивая зрелище в прокрустово ложе концепции. Лок хочет другого: публика должна с разбега вляпаться в экстаз гонки и безрассудно пребывать в нем сто минут спектакля.

Нагнетая темп, Лок гонит по кругу похожие комбинации балетных па, но не боится обвинений в монотонности, потому что компенсирует ее за счет невероятно сложной лексики. Молниеносные уколы пуантов, рисунок которых в воздухе и на полу — отдельная виртуозная песня. Вихрь приседаний, ураган мгновенных вра-

ная стерильность оборачивается вновь создаваемой чувственностью.

Создав такую феерию мышц, монреальский хореограф явно нащупал какой-то нерв современного искусства. И если вы узнаете, что балет «Амелия» назван в честь знаменитости хореографа с двумя личностями неопределенного пола, не относитесь к этому слишком серьезно, даже если на сцене появляются танцовщик в пуантах и балерина в мужском костюме. Лирика трансвеститов, ностальгически декларируемая постановщиком, — только внешнее прикрытие деконструкции тела, классического танца и понятия «содержание спектакля». Сам Лок, отвечая на вопросы о смысле «Амелии», отвергает зрителей, стремящихся к метафизическому пониманию, потому что «понимать на самом деле нечего». Это вполне логично для мастера, который озаглавил свою труппу «Ла ла ла хьюман степс». Название очень похоже на пиратское «Йо-хо-хо, и бутылка рома»...